

А. Е. Маньков
ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В ДИАЛЕКТЕ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ¹

(Вестник ПСТГУ: Серия III (Филология). № 2(20). Москва, 2010. Стр. 92–111)

Село Старошведское (Gammalsvenskby) находится на Украине, в Херсонской области. Оно было основано в 1782 г. переселенцами с о. Дагё (Хийумаа). Диалект, до сих пор сохраняющийся в селе, является единственным скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Диалект практически неизучен. Единственное опубликованное описание относится к 1905 г. Источником нашего исследования являются интервью с носителями диалекта, записанные нами в ходе экспедиций в село в 2004–2009 гг. Наряду с описанием грамматических категорий имени существительного, в статье рассматриваются фонетические процессы, определившие специфику морфологической системы существительного в диалекте.

Имя существительное в диалекте имеет грамматические категории рода (§§ 1–3), числа (§§ 4–9), определённости (§§ 10–25), падежа (§§ 26–28).

Род

Выражение рода

§ 1. Диалект сохраняет трёхчленную систему родовых противопоставлений, т.е. мужской, женский и средний род. Род существительного выражается:

1) Неопределённым артиклем: *än* m., *äin* f., *äit* n.

2) Числительным ‘один’: *än*, *ännan* m., *äin*, *äina* f., *äit*, *äitta* n.² Числительное ‘два’ противопоставляет средний род мужскому и женскому: *tfö* m., f. ~ *tü* n.,

¹ Предшествующие публикации: Маньков А. Е. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское (Gammalsvenskby) // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции. Ч. II. Москва, Архангельск, 2008. С. 211–214; Маньков А. Е. Диалект села Старошведское // Вестник ПСТГУ (Филология). М., 2010. № 1 (19). С. 7–26 (информация о селе и носителях диалекта, орфографические конвенции, обзор фонологии).

Работа выполнена в рамках международной научной сети «Шведская колония на Украине», организованной Сёдертёрнским университетом (Södertörn University College), Швеция. Проект финансировался Балтийским фондом (Baltic Sea Foundation of Sweden) и Шведским институтом (Swedish Institute), Швеция. Выражаю благодарность Т. А. Салычевой-Тоштендаль (Российско-шведский центр РГУ), проф. Д. Гонту (Сёдертёрнский университет) и А. Котлярчуку (Университет Умео), без помощи которых выполнение работы было бы невозможно.

Инициалы информантов, встречающиеся в статье: МП – М. Ф. Прасолова, ЛУ — Л. А. Утас, АЛ — А. С. Лютко, ЭУ — Э. И. Утас. Знак «/» разделяет фонетические варианты, «//» — морфологические.

например *tfo brēär* m. ‘два брата’, *tfo sistrar* f. ‘две сестры’, *tī bōn* n. ‘два ребёнка’. Форма *tī* является пережитком и может заменяться на *tfo*.

3) Личными местоимениями 3 л. ед. ч. и совпадающими с ними формами указательного местоимения ‘тот’: *han* m., *hon* f., *he* n.

4) Указательным местоимением ‘этот’ в ед. ч.: *tān (täsn)* m., *täs(s)*, *tässa* f., *tāt*, *tāt(t)a* n.

5) Сильной формой прилагательных в ед. ч.: *varmār* m., *varm* f., *varmt* n. ‘тёплый’.

Кроме этого, род с достаточной вероятностью может быть установлен по определённой форме ед. ч., поскольку большинство существительных имеют несовпадающие окончания в этой позиции: *-en* (с фонологически обусловленными вариантами) у существительных м. р., *-a* у ж. р., *-e* у ср. р. Названные окончания являются наиболее частотными в определённой форме ед. ч. Окончания определённой формы ед. ч. существительных м. р. никогда не совпадают с окончаниями существительных ж. и ср. родов, тогда как те существительные ж. р., которые имеют в определённой форме ед. ч. окончание *-e*, совпадают со средним родом. Ср. *sjōl̄-e* f. ‘душа’, *būk-e* f. ‘книга’ и *bōn-e* n. ‘ребёнок’. Что касается неопределённой формы мн. ч., то она непоказательна в отношении рода (по крайней мере для различения м. и ж. родов), т.к. её окончание *-ar* является частотным и у мужского, и у женского рода. Средний род с большей вероятностью может быть опознан по неопределённому мн. ч., поскольку большинство существительных ср. р. имеют в этой форме окончание *-är*, низкочастотное м. и ж. роде. То же относится к форме определённого мн. ч.: она непоказательна для различения м. и ж. родов (в обоих случаях достаточно частотным является окончание *-ana*), тогда как ср. р. чаще всего имеет в этой форме окончание *-ena*, низкочастотное для м. и ж. родов.

Колебания в роде

§ 2. Род существительных в диалекте соответствует, как правило, роду в древнешведском. Колебание в роде и его смена в некоторых случаях так же имеет соответствия в родственных диалектах. Назовём здесь следующие примеры:

bī m.//n.//f. ‘пчела’. Изначально это существительное относилось к ср. р.: др.-исл. *bú* n., др.-шв. *bī* n., шв. *bī*, *-(e)t*. В интервью с МП встретились формы *äit bī*, опр. ед. ч. *bī*, мн. ч. *bīar*, опр. мн. ч. *bīana* n. В интервью с ЛУ: *bī*, *-a*, *-ar*//*-är*, *-ana*

² Формы *än*, *äin*, *äit* используются в атрибутивном, *ännan*, *äina*, *äitta* — в предикативном положении.

m.//f. (неопр. ед. ч. *än bī* m., но опр. ед. ч. *hon bīa* f.). В интервью с АЛ: *bī*, *-en*, *-ar*//*-är*, *-ana*//*-ena* m. Вендель записал в Старошведском *bī*, мн. ч. *bier* n. Между родственными диалектами существует колебание m.//n.: Нюккё *bī* m., Рюнё *bī* n.³ Колебание, возможно, является древним, и вызвано сходством парадигм у открытых моносиллабов м., ж. и ср. родов в древнешведском. Ср. др.-шв. *skō(r)* m. ‘башмак’, *brō* f. ‘мост’, *bō* n. ‘гнездо’, различавшиеся только в род. п. ед. ч. (*skōs*, *bōs* vs. *brō(a)r*), в им. п. мн. ч. (*skō(a)r*, *brō(a)r* vs. *bō*), в вин. п. мн. ч. (*skō(a)*, *brō(a)r*, *bō*)⁴. Отметим здесь же, что существительное *bī* m. ‘деревня’ встретилось во мн. ч. с формой *bīär* (ЛУ, ЭУ) наряду с *bīar* (АЛ) и *bīnar* (ЛУ, ЭУ). Окончание *-är* может быть объяснено как след колебания m.//n., однотипного с *bī* ‘пчела’. Возможно, однако, что *-är* является рефлексом древнего склонения по типу *i*-основ⁵.

blū m.//n. ‘кровь’. Изначально ср. р. В интервью с ЛУ встретилось опр. ед. ч. *blūen* m. и *blūe* n. В интервью с АЛ только м. р. В родственных диалектах засвидетельствован только м. р., однако в древнешведском имело место колебание n.//m. (откуда шв. *blod*, *-et/-en*). Колебание в древнешведском было, возможно, поддержано ассоциацией с др.-шв. *sveter* m. ‘пот’⁶.

brüsk n. ЛУ//m. МП АЛ ‘хрящ’. Такое же колебание имеет место в диалекте Нюккё. Оно также зафиксировано Венделлем: *brosk* m. в диалекте Виппаля, *brüsk* n. в диалектах Дагё, Нюккё, Ормсё, Старошведского⁷.

dagg *m.//f. ‘роса’ (здесь и ниже * указывает, что колебание не засвидетельствовано в имеющихся интервью, однако могло иметь место в истории диалекта). В интервью с ЛУ и АЛ это существительное относится только к м. р., однако Вендель указывает для Старошведского ж. р. Между родственными диалектами существует колебание f.//n.: f. в диалектах Дагё, Нюккё, Ормсё, Рогё, Виппаля, n. — в диалекте Рюнё⁸. Поскольку колебание зафиксировано и в других германских языках (др.-англ. *dēaw* m.//n. и др.-исл.

³ *Freudenthal A. O., Vendell H. A. Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886. S. 24; Danell G. Ordbok över Nuckömålet. Uppsala, København, 1951. S. 23; Vendell H. Runömålet: Ljud- och formlära samt ordbok. Stockholm, 1882–1887. S. 81.*

⁴ *Cederschiöld W. Studier över genusväxlingen i fornvästnordiska och fornsvenska. Göteborg, 1913. S. 35–38.* Приводимое в этой работе в качестве примера др.-шв. *rā* f.//m.//n. ‘шест; рея’ относится в диалекте только к ж. р.: *rāv*, *-e*, *-ar*, *-ana* ‘межа, граница’.

⁵ Ср. др.-исл. *býr* (*Noreen A. Altnordische Grammatik I: Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923. S. 268*).

⁶ *Cederschiöld. Op. cit. S. 21–23.*

⁷ *Danell. Ordbok. S. 48; Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 31, 32.*

⁸ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 39; Vendell. Runömålet. S. 85; Danell. Ordbok. S. 70.*

dögg f.), у данного существительного оно может быть древним. Возможно, однако, что м. р. в современном диалекте вызван ассоциацией с нем. *Tau* m.

dill m. < f. ‘укроп’. Др.-шв. *dil* f., ср., однако, др.-англ. *dile* m. Венделль записал ж. р. в Старошведском и во всех родственных диалектах⁹. М. р. в современном диалекте может быть связан с влиянием нем. *Dill* m.

finn МП / *tfinn* АЛ ЛУ f./п. ‘плавник’. В интервью с МП форма *finn* встретилась наряду с *finu* f. Колебание f./п. было отмечено в диалекте Нюккё: *finu* f. и *fänn* n., и в других шведских диалектах¹⁰. Венделль записал во всех диалектах только *finu*, -r f.

frost m. < n. ‘мороз’. Др.-шв. *frost* известно только со ср. р., но между германскими языками существует колебание: др.-исл. *frost* n. и др.-англ. *frost* m.¹¹ Венделль записал во всех диалектах только ср. р.¹² М. р. в современном диалекте может отражать древнее колебание, но скорее всего вызван влиянием нем. *Frost* m. В литературном шведском существительное *frost*, как предполагается, сменило ср. р. на ж. под влиянием др.-шв. *kyld*, *köld* f. ‘холод’¹³.

kant *m./f. ‘край’. Венделль¹⁴ указывает для Старошведского ж. р., для остальных диалектов — м. р.; ассоциация с нем. *Kante* f.?

kō m. < f. ‘древесная смола’. Это существительное восходит к др.-шв. *kadha* f. (шв. *kåda*). В интервью с МП и АЛ оно относится только к м. р., однако в родственных диалектах имеет место колебание m./f. Ср. формы, записанные Венделлем: *kō* m. (Старошведское), *koa* m. (Дагё, Нюккё, Ормсё, Рогё, Виппаль), *kua* m. (Рюнё), *kō* f. (Нюккё, Виппаль), *kōw* f. (Нюккё), *k(w)ōð* f. (Виппаль). Данелль приводит только *kō* f.¹⁵ Другой пример односложного существительного м. р. с соответствиями ж. р. в родственных диалектах и в шведском — *tō* ‘фитиль’ (шв. *tåga* ‘волокно’). Ср. у Венделля *tūg/tōg* f. (Виппаль), у Данелля *tōg*, -a f.¹⁶

⁹ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 40.

¹⁰ *Danell*. Ordbok. S. 99; *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1922. S. 133

¹¹ Примеры аналогичного колебания у древнегерманских существительных с суффиксом -*ja*- см. в кн.: *Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle, 1926. S. 62 (§ 117).

¹² *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 59.

¹³ *Cederschiöld*. Op. cit. S. 59.

¹⁴ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 99.

¹⁵ *Ibid.* S. 109, 120; *Vendell*. Runömålet. S. 109; *Danell*. Ordbok. S. 231.

¹⁶ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 236, 243; *Danell*. Ordbok. S. 447.

lī n.//m. < f. ‘линия берега’ (др.-шв. *līþ* f.) Наряду со ср. р., существительное было названо с формами *lī*, *-en*, *-ar*, *-ana* m. В родственных диалектах только ж. р.: у Венделля *lī*, а также композит *awlī* f., у Данелля *lī*, *-e* f.¹⁷

mūld f.//n. ‘пыль, сухая земля’. Венделль записал в Старошведском ж. р., как и в диалектах Нюккё, Ормсё, Дагё, Рогё и Виппаля; в диалекте Рюнё — ср. р.¹⁸ Колебание вызвано, вероятно, влиянием существительного *dōmb* n. ‘пыль’ и других вещественных и собирательных существительных ср. р. Аналогичные примеры — *jäst* m.//n. ‘дрожжи’, *hummöl* m.//n. ‘хмель’.

rost *m.//n. ‘ржавчина’. Это существительное встретилось в интервью только с м. р., но Венделль записал в Старошведском, а также в Нюккё и Ормсё ср. р. На Дагё, Рогё и в Виппале — м. р., на Рюнё — ж. р.¹⁹

rumm *m.//n. ‘икра у рыб’. В интервью встретился только м. р., однако Венделль записал в Старошведском и на Дагё *romm* n. В родственных диалектах — м. р.²⁰ Аналогичными примерами колебания между м. и ср. р. являются существительные *brīsk*, *rost*, *snūr*.

snūr m.//n. ‘сопли’. Согласно Венделлю, м. р. — в диалектах Старошведского (*snjūr/snūr*), Дагё, Рогё, Виппаля (*snūr*), Рюнё (*snūr*), ср. р. — Нюккё, Ормсё (*snūr*). Данелль указывает для Нюккё только м. р.²¹

Существительное *böün* m. ‘фасоль’ представляет собой особый случай. Формы м. р. были уверенно названы носителями, однако во всех родственных диалектах это слово относится к ж. р. Изменение рода могло быть вызвано тем, что в опр. мн. ч. форма *böünana* изменилась в *böüna* вследствие гаплогонии. Окончание *-a* в опр. мн. ч. характерно только для м. р., поэтому *böüna* была воспринята как форма, аналогичная *granna* опр. мн. ч. от *grann* ‘сосед’. Так же объясняется колебание m.//n. у *krūn* ‘петушиный гребень’ в интервью с МП (АЛ и ЛУ называют только ж. р.; в родственных диалектах также только ж. р.). Существительное *grūn* m. ‘ветвь’ (при исл. *grein* f.) не относится сюда, т.к. оно колебалось между ж. и м. р. уже в древнешведском²². Существительное *kēn*

¹⁷ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 18, 128; Danell. Ordbok. S. 245.*

¹⁸ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 230; Vendell. Runömålet. S. 117; Danell. Ordbok. S. 279.*

¹⁹ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 175, 178; Vendell. Runömålet. S. 126; Danell. Ordbok. S. 329.*

²⁰ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 174; Vendell. Runömålet. S. 126; Danell. Ordbok. S. 329.*

²¹ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 202, 203; Vendell. Runömålet. S. 133; Danell. Ordbok. S. 378.*

²² *Noreen A. Altnordische Grammatik II: Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. Halle, 1904. S. 281 (§ 383 anm. 2).*

‘косточка’ относится в диалекте к м. р.; ср. *tjån/kjån* м./f. в диалекте Нюккё²³. В этом случае колебание имеет тот же характер, что шв. *kärne* и *kärna*²⁴.

§ 3. Примеры заимствованных существительных, либо изменивших род, либо имеющих колебания:

balk м./f. ‘балка, бревно’. Обычно м. р., однако в интервью с ЛУ встретился также ж. р. (*äin balk*); влияние рус. *балка*?

bukstäv f. ‘буква’ < шв. *bokstav*, *-stäver*. Ж. р. под влиянием рус. *буква*? Ср. в диалекте Нюккё *bukstäv* м./n.²⁵

frīstik м. ‘завтрак’ < нем. *Frühstück* п. М. р. мог быть вызван ассоциацией с рус. *завтрак*, либо с исконным словом *morisvūd* м., которое не встретилось в интервью, но было записано Венделлем²⁶.

gürk м. < f. ‘огурец’. Венделль указывает ж. р.²⁷ Смена рода на мужской могла быть вызвана влиянием русского слова.

tāf(ä)l м./f. ‘школьная доска’ < нем. *Tafel* f. В опр. ед. ч. была названа форма *han tāf(ä)l* ‘та доска’ наряду с *hon tāf(ä)l*, где *hon* — указательное местоимение ж. р., *han* — м. р. Венделль записал в Старошведском *tāväl* f., Карлгрэн — *tāfel* м. Колебание существует и между диалектами: Нюккё *tāful/tāvul* м. (однако Венделль записал в диалекте Нюккё *tāful* f.), Ормсё *tavul* f., Виппаль *tāfl* м., Рюнё *tāväl* f.²⁸

Число

Обзор форм

§ 4. В форме неопределённого ед. ч. все исконные существительные имеют нулевое окончание. В неопределённом мн. ч. используются окончания *-ar/-r* и *-är/-r*. Существительные м. р. с основами, оканчивающимися на *-ar*, имеют во мн. ч. нулевое окончание наряду с *-är*, см. §§ 5, 31.3, 32. Небольшая группа существительных м. и ж. р. изменяет во мн. ч. корневой гласный (*i*-умлаут). У

²³ *Danell*. Ordbok. S. 234.

²⁴ См.: *Wessén E.* Svensk språkhistoria I: Ljudlära och ordböjningslära. Stockholm, 1968. S. 191.

²⁵ *Danell*. Ordbok. S. 36.

²⁶ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 147.

²⁷ *Ibid.* S. 74.

²⁸ *Ibid.* S. 230; *Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av N. Tiberg // Svenska landsmål ock svenskt folkliv. B. 56. Stockholm, 1953. S. 18; *Danell G.* Nuckömmålet. Stockholm, 1905–1934. S. 229; *Danell*. Ordbok. S. 428; *Vendell*. Runömmålet. S. 141.

существительных *brūär* ‘брат’ и *dütär* ‘дочь’ различение чисел происходит с помощью только умлаута: *brēär*, *dētär*.

М. р.	-ar/-r	<i>fisk-ar</i> , <i>ēnd-ar</i> , <i>stoka-r</i> от <i>fisk</i> ‘рыба’, <i>ēnd</i> ‘конец’, <i>stoka</i> ‘палка’
	-är	<i>smē-är</i> , <i>här-är</i> , <i>tisk-är</i> от <i>smē</i> ‘кузнец’, <i>här</i> ‘хозяин’, <i>tisk</i> ‘немец’
	-Ø/-är	<i>biggjar</i> / <i>biggjar-är</i> , <i>homar</i> / <i>homar-är</i> от <i>biggjar</i> ‘строитель’, <i>homar</i> ‘молоток’
	-är умлаутом	с <i>fēt-är</i> , <i>bēnd-är</i> , <i>sinn-er</i> от <i>füt</i> ‘нога’, <i>bünd</i> ‘крестьянин’, <i>sonn</i> ‘сын’
Ж. р.	-ar/-r	<i>brū-ar</i> , <i>hēn-ar</i> , <i>viku-r</i> , <i>nāsa-r</i> от <i>brū</i> ‘невеста’, <i>hēn</i> ‘курица’, <i>viku</i> ‘неделя’, <i>nāsa</i> ‘нос’
	-är умлаутом	с <i>bēk-är</i> от <i>būk</i> ‘книга’
Ср. р.	-är/-r	<i>lōmb-är</i> , <i>stikkä-r</i> , <i>öüa-r</i> от <i>lōmb</i> ‘ягненок’, <i>stikke</i> ‘кусочек’, <i>öüa</i> ‘глаз’

Окончания *-ar*, *-är* с одной стороны и *-r* с другой находятся в отношении дополнительного распределения. Их употребление зависит от синхронного исхода основы: *-ar* и *-är* после согласного и ударного гласного, *-r* после безударного гласного (такое чередование алломорфов является фонологически обусловленным). Выбор между *-ar* и *-är* в м. и ж. р. непредсказуем с синхронной точки зрения и обусловлен древними словоизменительными типами существительных (морфологическое чередование)²⁹.

Как видно, в диалекте существует два показателя неопределённого мн. ч.: 1) *-ar/-r*, 2) *-är/-r/-Ø*; общее число алломорфов — четыре: 1) *-ar*, 2) *-är*, 3) *-r*, 4) *-Ø*. Умлаут трудно считать независимым средством образования мн. ч., поскольку он является таковым лишь у двух существительных, а в остальных случаях комбинируется с окончанием *-är*.

Мужской род имеет максимальное количество алломорфов мн. ч., средний род — минимальное. Разумеется, не все алломорфы имеют одинаковую частотность. В м. р. абсолютно преобладающим и вытесняющим другие показатели является *-ar*. Те существительные м. р., для которых характерно *-är*, часто называются информантами с *-ar*, т.е. *-är* находится в отношении свободного варьирования с *-ar*. В ж. р. также преобладает окончание *-ar*; окончание *-är* зафиксировано лишь в единичных случаях варьирования с *-ar*. Что касается мн. ч. на *-är* в сочетании с умлаутом, то оно характеризует малочисленную и закрытую группу существительных м. и ж. р.

²⁹ О типологии чередования алломорфов см., например: Matthews P. H. Morphology. 2 ed. Cambridge, 1991. P. 116 (“phonologically vs. morphemically/lexically conditioned alternations”).

Форма неопределённого мн. ч. вместе с формой определённого ед. ч. является основанием для морфонологической классификации существительных, которая будет дана в следующей статье.

§ 5. У существительных с основой, оканчивающейся на *-ar*, окончание мн. ч. *-är* находится в свободном варьировании с нулевым окончанием: *fiskjar* ‘рыбак’ имеет мн. ч. *fiskjar* и *fiskjarär*. Фонетически закономерным является, по-видимому, нулевое окончание: др.-шв. *fiskjara*³⁰ > *fiskjar*. Окончание *-är*, как предполагается, взято у существительных м. р., восходящих к *i*-основам³¹. Выбор этого окончания объясняется тем, что среди *i*-основ в шведских диалектах Эстонии было много обозначений лиц, а существительные с основами на *-ar* также являются по преимуществу обозначениями лиц³². Кроме того, замене \emptyset на *-är* могло способствовать то, что нулевое окончание во мн. ч. необычно для синхронной морфонологической системы существительного.

Н. Тибберг считает, что формы с нулевым окончанием, приводимые Карлгреном, являются в действительности формами ед. ч., названными информантами после местоимения *топ* ‘много’, тогда как единственным окончанием мн. ч. у существительных на *-ar* якобы является *-er*³³. Действительно, после местоимения *топ* в диалекте нередко (но не всегда) используется ед. ч. существительного³⁴. Однако если исходить из того, что во мн. ч. нулевое окончание у существительных на *-ar* фонетически закономерно, замечание Тибберга является излишним.

§ 6. После количественных числительных существительные используются в форме ед. ч. Это, однако, не является строгим правилом: ср. *tī stikke* ‘десять штук’, *tfō bōn* ‘двое детей’, *trī bōn* ‘трое детей’, *fämm svīn* ‘пять свиней’, *tī fōr* ‘десять овец’, *tū gōs* ‘двадцать гусей’ наряду с *tfō sjōljarär* ‘два продавца’, *trī arbetarär* ‘трое рабочих’, *ffjūr grīsuņar* ‘четыре поросёнка’, *tī grīsar* ‘десять поросят’, *tfō küdnar* ‘две коровы’, *tfō gäitär* ‘две козы’, *fämmta düar* ‘пятнадцать голубей’, *tū gässär* ‘двадцать гусей’, *tī kilómätär* ‘десять километров’, *träтта ör* ‘тринадцать лет’.

³⁰ Во мн. ч. **-ar-aR* > др.-шв. *-ar-a*, т.к. в древнешведском *R* в окончании апокопируется после *r*. См.: Noreen. Op. cit. S. 250 (§ 321b); Wessén. Op. cit. S. 49 (§ 30.2). См. также: Hultman O. F. De östsvenska dialekterna. Helsingfors, 1894. S. 16 (§ 1.26).

³¹ Hultman. Op. cit. S. 158 (§ 50).

³² Danell. Nuckömmålet. S. 22, 232.

³³ Karlgren. Op. cit. S. 19 (сноска 1).

³⁴ Примеры: *Моп arbetsmann*_{Ед. ч.} *hōa ne?* ‘Сколько у вас рабочих?’, *Моп bōn*_{Ед. ч.} *hār hon?* ‘Сколько у неё детей?’ (наряду с *Моп bōnar*_{Мн. ч.} *hār hon?*), *Моп sjōljarär*_{Мн. ч.} *jāra e bue?* — *Hēr jāra mīke sjōljarär*_{Мн. ч.} ‘Сколько продавцов в магазине? — Здесь много продавцов’, *Моп komarär*_{Мн. ч.} *jāra hēr?* — *E tät hūse jāra moņa komarär*_{Мн. ч.} ‘Сколько здесь комнат? — В этом доме много комнат’.

Singularia u pluralia tantum

§ 7. Следующие категории существительных являются нейтральными в отношении числа и как правило не имеют особой формы мн. ч.:

1. Существительные, обозначающие абстрактные понятия, например: *arbet* п. 'работа', *biildär* п. 'грохот', *dē* м. 'смерть', *falskhäit* f. 'вражда', *fikshäit* f. 'скорость', *frost* м. 'мороз', *fräid* f. 'радость', *hāt* п. 'сплетни', *hita* м. 'жара', *hölg* f. 'праздник', *höihäit* f. 'высота', *ilskap* п. 'вред', *kjöd* f. 'холод', *kvil* f. 'отдых', *märkhäit* f. 'темнота', *nitt* f. 'польза', *plög* f. 'скука, мучение', *rōhäit* f. 'сырость', *rū* f. 'покой', *saniņ* f. 'правда', *santhäit* f. 'правда', *skamm* м. 'стыд', *umm-sorg* f. 'забота', *ūvādär* п. 'ненастье', *vädärläik* м. 'погода', *värk* м. 'боль'.

2. Существительные, обозначающие вещества и материалы: *ask* f. 'зола', *bark* п. 'кора', *blakk* п. 'чернила', *blī* п. 'свинец', *blū* м./п. 'кровь', *brask* п. 'отходы после обмолота', *brē* п. 'хлеб', *brämnen* п. 'водка', *bummül/bümül* п. 'хлопок', *bäkk* п. 'смола', *dagg* м. 'роса', *diņe* f. 'навоз', *dimliņ* f. 'дымка', *djögg* п. 'дөготь', *dōmb* п. 'пыль', *dāi* м. 'тесто', *dūn* п. 'пух', *flāo* f. 'перхоть', *fläsk* п. 'сало', *frās* п. 'пена', *fäit* п. 'жир', *gall* м. 'жёлчь', *gass* п. 'керосин', *gift* п. 'яд', *grädd* м. 'сливки; сметана', *grūs* п. 'щебень', *güll* п. 'золото', *halṁ* м. 'солома', *hāl* п. 'град', *hāvär* п. 'овёс', *huniņ* м. 'мёд', *hāi* п. 'сено', *īs* м. 'лёд', *jēn* п. 'железо', *diņe-jūđ* f. 'удобренная земля', *jäst* м./п. 'дрожжи', *jöl* п. 'пиво', *kalk* м. 'известь', *kitt* п. 'шпаклёвка', *kō* 'древесная смола', *krūt* п. 'порох', *kväit* п. 'пшеница', *kätt* п. 'мясо', *läiär* п. 'глина', *lüft* п. 'воздух', *mölk* п. 'молоко', *mōl* п. 'мука', *mūld* f./п. 'сухая земля', *olljo* f. 'растительное масло', *ripar* м. 'перец', *piss* п. 'моча', *rips* п. 'кофейный напиток', *rīs* п. 'жёсткая трава с заливного луга, из которой делали изгороди', *rokäl* п. 'мокрота', *rost* м. 'ржавчина', *rō* п. 'рожь', *rumm* м. 'рыбья икра', *räik* м. 'дым', *rōo* f. 'корка на ране', *saft* м. 'сок', *salt* п. 'соль', *silke* п. 'шёлк', *silvär* п. 'серебро', *siror* м. 'варенье', *skāl* п. 'скорлупа; кожура', *skink* f. 'ветчина', *skimmöl* п. 'плесень', *skinn* п. 'кожа', *skorv* м. 'парша', *skōn* п. 'дерьмо', *smēr* п. 'масло', *snjū* м. 'снег', *snūr* м./п. 'сопли', *sōp* f. 'мыло', *spüitt* п. 'слюна', *grūs-stāin* м. 'щебень', *sugär* п. 'сахар', *svalṁ* м. 'пар', *sväit* м. 'пот', *sürest* м. 'творог', *šrōt* п. 'шрот, корм для скота', *talg* м. 'воск', *tē* п. 'чай', *tjäro* f. 'смола', *vatn* п. 'вода', *vār* п. 'гной', *vāis* f. 'грязь', *värke* п. 'древесина; дрова', *gōla-ägg* п. 'желток', *kvit-ägg* п. 'белок'.

3. Существительные, обозначающие нераздельные множества: *bār* п. 'ягоды', *büss* п. 'тряпьё', *dill* м. 'укроп', *folk* 'народ', *fräi* п. 'семена', *gōn* п. 'нитки', *gräss* п. 'трава', *hōr* п. 'волосы', *hummöļ* м./п. 'хмель (растение)', *kōļ* м. 'капуста', *kvit-löiik* м. 'чеснок', *land* п. 'поля за пределами села; степь', *pürkans-löiü* п. 'ботва моркови', *musa* м. 'мох', *sē* п. 'зерно', *släft* 'родня', *use* п. 'усы'.

Следующие существительные обычно встречаются только в форме мн. ч.: *āvnar* ‘полова, отходы после обмолота’, *biksar* ‘брюки’, *búrjanar* ‘заросли сорняков’, *inhölvur* ‘внутренности’, *kliar*/*kljár* ‘отруби’, *klimpar* ‘кислое молоко’, *näxklar* АЛ / (*bränn*-)*nässlar* ЛУ ‘крапива’, *nüdlar* ‘лапша’, *petä(r)šilljar* (только мн. ч.) ‘петрушка’, *päñ(η)ar* ‘деньги’, *rusínar* ‘изюм’, *sírar* ‘щавель’, (*sül*-)*strōar* ‘солнечные лучи’³⁵, *sūpar* ‘мусор’, *tfilíjar* ‘близнецы’.

§ 8. При необходимости образовать обозначение отдельного предмета к перечисленным существительным, используются лексические средства. Например, создаются композиты со вторым элементом *bita* м. ‘кусочек’ (*fläsk-bitar* ‘кусочек сала’, *sōp-bitar* ‘кусочек мыла’), *kūn* п. ‘зёрнышко’ (*bār-kūn* ‘ягода’, *drōb-kūn* ‘дробинка’, *fräi-kūn* ‘семечко’, *rūsíns-kūn* ‘изюминка’, *slive-kūn* ‘слива’, *vānātäs-kūn* ‘орех’, *vínagrads-kūn* ‘виноградина’, *višne-kūn* ‘вишня’, *ättär-kūn*/*ättäs-kūn* ‘горошина’), *rūka* м. ‘куча’ (*ask-rūka* ‘куча золы’, *halṡm-rūka* ‘куча соломы’), *stikke* п. ‘кусочек’ (*fläsk-stikke* ‘кусочек сала’, *hāl-stike* ‘градина’, *land-stikke* ‘участок земли’, *sōp-stikke* ‘кусочек мыла’). Обозначением отдельного человека (к существительному *folk*) является *sjūn* п. или *folk-sjūn* п.; ср. также *mann-sjūn* п. ‘мужчина’, *kvinn-sjūn* п. ‘женщина’.

Происхождение окончаний

§ 9. В м. р. окончание *-ar*/*-r* восходит к др.-шв. *-ar*, которое характеризовало *a*-основы (например, *fisk*) и *an*-основы (*ēnd*, *stoka*). В ж. р. *-ar*/*-r* восходит к др.-шв. *-ar* у *ō*-основ (*brū*) и к *-ur* у *ōn*-основ (*hēn*, *viku*, *näsa*). Об изменении *-ur* > *-ar* см. § 37.2. Окончание *-är* < др.-шв. *-ir* у *i*-основ (*smē*). У существительных м. и ж. р. с умлаутом окончание *-är* восходит к др.-шв. *-er* у корневых основ (*fūt*, *būk*) и *nd*-основ (*būnd*, единственный пример). Существительное *sonn* является единственной сохранившейся *u*-основой; *brūär* и *dūtär* являются единственными существительными, отражающими специфику *r*-основ. В ср. р. окончание *-är*/*-r* полностью вытеснило исконное нулевое окончание. Толчком к выбору именно этого окончания, а не более продуктивного *-ar*, послужило, вероятно, немецкое влияние эпохи XV–XVI в., выразившееся в таких формах мн. ч. как *klädher* ‘одежда’, *krydder* ‘пряности’, *brädher* ‘доски’³⁶. Однако последующий процесс замены нулевого окончания происходил независимо от немецкого³⁷.

³⁵ Вместо **strōlar* с *l*, исчезнувшим в соседстве с *r*? Или изменено из-за ассоциации со *strō* ‘нитка’?

³⁶ Noreen. Op. cit. S. 297 (§ 396.1).

³⁷ Об аналогичном процессе в истории литературного шведского см.: Linder N. Om *-er*, *-r*, *-ar* och *-or* såsom pluraländelser för neutrala substantiver. Stockholm, 1890 (особенно см. стр. 95). В

Определённость

Обзор форм

§ 10. Неопределённый артикль, *än m.*, *äin f.*, *äit n.*, используется в ед. ч. с исчисляемыми существительными в том случае, когда речь идёт о неконкретизированном предмете: это либо тот предмет, о котором применительно к данной ситуации слушающему сообщается впервые, либо предмет, конкретизация которого в данной ситуации не важна. См. § 25.

§ 11. Определённость выражается довольно значительным набором алломорфов (по сравнению со стандартным шведским). Определённость и число выражаются синтетически: например, аффикс *-en* выражает определённость и единственное число у существительных мужского рода. Показатели определённости перечислены ниже в таблице. Алломорфы, употребление которых обусловлено синхронными фонологическими факторами, разделены знаком «/»; правила их распределения описаны в §§ 12–18. Фонологически необусловленные алломорфы вынесены в разные строки. Они непредсказуемы с точки зрения синхронии и отражают древнешведские окончания определённой формы, зависевшие от древних словоизменительных типов; см. о них §§ 19–24. Морфологическое варьирование обозначено знаком «//» (указаны лишь наиболее частотные случаи).

Ед. ч.	М. р.	<i>-en/-n/-n/-∅</i> §§ 12, 13, 19, 35	<i>fisk-en, kvüst-n, stūn, bjūn</i> от <i>fisk</i> ‘рыба’, <i>kvüst</i> ‘ветка’, <i>stūl</i> ‘стул’, <i>bjūn</i> ‘медведь’
		<i>-an/-n</i> §§ 19, 35	<i>bakk-an, stoka-n</i> от <i>bakk</i> ‘холм’, <i>stoka</i> ‘палка’
	Ж. р.	<i>-e</i> §§ 20, 31.2	<i>brū-e, būk-e</i> от <i>brū</i> ‘невеста’, <i>būk</i> ‘книга’
		<i>-a/-∅</i> §§ 14, 20, 29, 34, 37.1	<i>hēn-a, viku, näsa</i> от <i>hēn</i> ‘курица’, <i>viku</i> ‘неделя’, <i>näsa</i> ‘нос’
	Ср. р.	<i>-e/-∅</i> §§ 15, 21, 36	<i>lōmb-e, stikke, öia</i> от <i>lōmb</i> ‘ягнёнок’, <i>stikke</i> ‘кусок’, <i>öia</i> ‘глаз’
	Мн. ч.	М. р.	<i>-a // -ana/-na</i> §§ 16.1–2, 22, 24, 31.1, 34
<i>-e // -ena</i> §§ 16.1–2, 22, 24, 31.1, 34			<i>vänn-e, präst-ena, biggjare//biggjarena</i> от <i>vänn</i> ‘друг’, <i>präst</i> ‘священник’, <i>biggjar</i> ‘строитель’

современной шведской норме, однако, окончание *-er* у существительных ср. р. встречается лишь у отдельных существительных.

	-re/-e (с умлаутом) §§ 16.3, 23, 31.1	<i>fēt-re, männ-e, brēr-e, sinn-e</i> от <i>fūt</i> ‘нога’, <i>mānn</i> ‘мужчина’, <i>brūr</i> ‘брат’, <i>sonn</i> ‘сын’
Ж. р.	-ana/-na §§ 16.1–2, 24, 34, 37.1	<i>brū-ana, vīkī-na, hēn-ana</i>
	-re/-e (с умлаутом) §§ 16.3, 23, 31.1	<i>bēk-re, gäss-e</i> от <i>būk, gōs</i> ‘гусь’
Ср. р.	-ena/-na §§ 16.1–2, 24	<i>lōmb-ena, stikke-na, öia-na</i>

Как видно, в диалекте существует четыре показателя определённого ед. ч.: 1) *-en/-n/-ŋ/-∅*, 2) *-an/-n*, 3) *-e*, 4) *-a/-∅*; общее число алломорфов — семь: *-en, -n, -ŋ, -an, -e, -a, -∅*. Определённое мн. ч. выражается пятью показателями: 1) *-a*, 2) *-e*, 3) *-ana/-na*, 4) *-ena/-na*, 5) *-re/-e*; общее число алломорфов — шесть: *-a, -e, -ana, -ena, -na, -re*.

Распределение фонологических алломорфов зависит от синхронного исхода корня/основы и происходит по правилам, перечисленным ниже.

§ 12. В единственном числе мужского рода:

1. *-en* используется после основ, оканчивающихся на: **a)** любой согласный, кроме дентальных (*d, ð, t, t̥, s, ʃ, n*), *r, rr*, а также кроме *l* и *l̥*, следующих после согласного или безударного гласного: *ubben : ubb* ‘филин’, *kolben : kolb* ‘кукурузный початок’, *mōgen : mōg* ‘зять’, *skoggen : skogg* ‘тень’, *drājen : drāj* ‘конюх’, *riŋgen : riŋŋ* ‘кольцо’, *būken : būk* ‘живот’, *makken : makk* ‘червяк’, *skālen : skāl* ‘жеребец’, *dāilen : dāil* ‘часть’, *bollen : boll* ‘мяч’, *hołmen : hołm* ‘заливной луг’, *hūpen : hūr* ‘куча’, *blīppen : blīpp* ‘карандаш’, *rāven : rāv* ‘лисица’; **b)** любой ударный гласный: *dāen : dā* ‘день’, *stāen : stā* ‘город’, *smēen : smē* ‘кузнец’, *bīen : bī* ‘деревня’, *kōen : kō* ‘древесная смола’, *blūen : blū* ‘кровь’, *ūen : ū* ‘кухонная плита’, *dāien : dāi* ‘тесто’.

2. *-n* используется после основ, оканчивающихся на: **a)** *d* (но не *nd*), *t, s, ʃ, rr*: *blūdn : blūd* ‘блюдец’, *ūddn : ūdd* ‘остриё’, *būldn : būld* ‘нарыв’, *knūtn : knūt* ‘узел’, *hattn : hatt* ‘шапка’, *galtn : galt* ‘боров’, *uksn : uks* ‘бык’, *hāʃn* ‘шея’: *hāʃ* ‘шея’, *foʃʃn : foʃʃ* ‘быстрина’, *hārrn : hārr* ‘господин’, *snūrrn : snūrr* ‘рыло’; **b)** изредка *l*, следующее за согласным или безударным гласным³⁸: *gaffl* ‘вилка’ (*-n/-∅* в интервью с ЛУ; только *-∅* в интервью с МП, АЛ), *ive-dāil* ‘лифчик’, *kađiŋfl* ‘картофель’ (*-n* ЛУ, *-n/-∅* АЛ, *-∅* МП), *sikk(ä)l* ‘велосипед’ (*-n* ЛУ, *-∅* МП, АЛ); **c)** безударное *a*: *honan : hona* ‘петух’, *mōan : mōa* ‘желудок’.

³⁸ Судя по примерам Карлгрена, любые существительные м. р. на *l* имели только *-n* в опр. ед. ч. (Karlgrén. Op. cit. S. 18).

3. -*ŋ* используется после основ, оканчивающихся на: а) *l, r*, с фузией *-l-n, -r-n* > *-ŋ*: *spōŋ : spōl* ‘зеркало’, *stūŋ : stūl* ‘стул’, *fūŋ : fūl* ‘птица’, *būŋ : būr* ‘клетка’, *tūŋ : tūr* ‘бык’; б) *d, t*: *gōdŋ : gōd* ‘двор’, *stjätŋŋ : stjätt* ‘хвост (у птиц, рыб)’.

Следует отметить, что *ŋ* в опр. ед. ч. устойчиво используется лишь в случае односложных основ на *l, r* (т.е. с *l, r* после ударного гласного). У существительных с основами на безударный гласный + *l, r* в опр. ед. ч. *ŋ* может утрачивать постальвеолярный характер, переходя в дентальное *n*³⁹. Дентальное *n* преобладает у двусложных основ, оканчивающихся на *-ar*. У двусложных основ на *-är, -äl/-öl* в опр. ед. ч. возможно как *ŋ*, так и *n*, при этом *ä > e* перед *n*⁴⁰. Некоторые формы из интервью с МП, ЛУ и АЛ:

	МП	ЛУ	АЛ
<i>būgär/bukär</i> ‘плуг’	-äŋ	-än	-än/ -en
<i>gāvöl/gāväl</i> ‘фронтон’	-äŋ	-än/-en	-än
<i>likäl/liköl</i> ‘ключ’	-en	-än	-än/-en
<i>vāvär</i> ‘телега’	-äŋ	-än	-en/-än
<i>vintär</i> ‘зима’	-äŋ	-än	-än/-än

Гласный *ä* под влиянием формы неопр. ед. ч. может проникать в опр. ед. ч., откуда форма *gāvän* у АЛ. Аналогично: *kvēldän, oldän* вместо *kvēldän/-en, oldän/-en* (от *kvēldär* ‘вечер’, *oldär* ‘возраст’). Безударное *ö* также не является фонологически закономерным перед *ŋ*, однако оно встречается в опр. ед. ч. под влиянием неопределённой формы: *ājōŋ, bumtōŋ* вместо *ājän/-en, bumtäŋ/-en* (от *ājöl* ‘личинка’, *bumtöl* ‘засов’).

4. -*Ø* используется после основ, оканчивающихся на *n, nd*, а также *l*, следующее за согласным или безударным гласным: *böün : böün* ‘фасоль’, *gräin : gräin* ‘ветвь’, *tann : tann* ‘мужчина’, *kāven : kāven* ‘арбуз’; *bünd : bünd* ‘хозяин, крестьянин’, *hund : hund* ‘собака’; *aks(ä)l : aks(ä)l* ‘ось’, *äjäl : äjäl* ‘ангел’, *kastrüll : kastrüll* ‘кастрюля’.

Заметим, что с исторической точки зрения такие формы опр. ед. ч. как *tann* и *hund* не вполне аналогичны. Форма *tann* возникла из **tannen* вследствие синкопы *e* и является фонетически закономерной, тогда как *hund* в опр. ед. ч. не является, по-видимому, фонетически закономерной формой, т.к. **hunden* должно было дать **hundn* (как *büldn*) и затем **hunn*. Это подтверждает диалект Нюккё, где формами опр. ед. ч. от *hünd* ‘собака’, *sōnd* ‘песок’ являются *hiinn, sōn*. Таким образом, фонетически закономерным было бы соотношение *hund : *hunn*, однако

³⁹ Маньков. Диалект села Старошведское. § 16.

⁴⁰ Там же. § 56.

под влиянием типа *tann* : *tann* произошло выравнивание в пользу одинакового неопр. и опр. ед. ч.

§ 13. Существительные, обозначающие людей, часто имеют нулевое окончание в опр. ед. ч., не различая определённую и неопределённую форму. Это характерно для интервью с АЛ. Существительные *bill* м. ‘дядя’, *fār* м. ‘отец’ были названы ею только с нулевым окончанием; *jūd* м. ‘еврей’ было названо с $-\emptyset$ //*-n*, *svānsk* м. ‘швед’, *tīsk* м. ‘немец’ — с $-\emptyset$ //*-en*. В интервью с ЛУ эти существительные встретились с *-en*, и только *fār* было названо с нулевым окончанием, наряду с формой *fān*⁴¹. Существительное *mūär* ф. ‘мать’ также не имеет особой формы опр. ед. ч.

Кроме того, согласно Карлгрену, многие немецкие и русские замствования м. р., имея регулярное мн. ч., не образуют особой формы определённого ед. ч.⁴² В современном диалекте это относится к *altar* м. ‘алтарь’, *ansuk* м. ‘костюм’, *jēgār* м. ‘охотник’, *kólendār* м. ‘календарь’, *pojke* м. ‘мальчик’, *āṅāl* м. ‘ангел’, у которых форма определённого ед. ч. совпадает с неопределённым. Эта закономерность не является строгой, т.к. формы с окончанием *-n*, например *jēgān* и *ṣustān* (от *ṣustār* ‘сапожник’), также были названы в интервью.

§ 14. В единственном числе женского рода:

1. $-\emptyset$ используется при исходе основы на безударные гласные (а именно, на *u*, *o*, *a*): *brāa* : *brāa* ‘доска’, *kūda* : *kūda* ‘корова’, *hako/-u* : *hako/-u* ‘подбородок’, *fliūu* : *fliūu* ‘муха’.

2. *-a* используется при исходе основы на согласные и ударные гласные: *katta* : *katt* ‘кошка’, *vīdna* : *vīdn* ‘стог’, *kēa* : *kē* ‘цепь’, *lūa* : *lū* ‘шапка’, *skāia* [skɛija] : *skāi* ‘стручок’, *kļōiia* [kɽœ:ɲwa] : *kļōi* ‘копыто’.

§ 15. В единственном числе среднего рода:

1. *-e* используется при исходе основы на согласные и ударные гласные (кроме *ē*, *ā*): *ōre* : *ōr* ‘год’; *sūle* : *sūl* ‘колесо’, *tāke* : *tāk* ‘крыша’; *strōe* : *strō* ‘соломинка’, *trōe* : *trō* ‘корыто’.

2. $-\emptyset$ — при исходе на безударные гласные (а именно, *e*, *a*): *minne* : *minne* ‘мель’, *silke* : *silke* ‘шёлк’, *vārke* : *vārke* ‘дрова’, *ēra* : *ēra* ‘ухо’, *nista* : *nista* ‘клубок’, *sjātta* : *sjātta* ‘сердце’. Кроме того, $-\emptyset$ наряду с *-e* используется после ударных *ē*, *ā*: *brē/brēe* : *brē* ‘хлеб’, *kļē* : *kļē* ‘ткань’, *knē/knēe* : *knē* ‘колени’, *sē* : *sē* ‘зерно’, *tē* : *tē* ‘чай’, *trā/trāe* : *trā* ‘дерево’.

⁴¹ В диалекте Нюккё *bill* и *fār* также не имеют особой формы опр. ед. ч. (*Danell. Ordbok. S. 24, 94*).

⁴² *Karlgren. Op. cit. S. 18.*

§ 16. Во множественном числе:

1. *-ana*, *-ena*, *-e* используются после согласных и ударных гласных: *kaskana* : *kask* m. ‘шуба’, *sjöļana* : *sjöļ* f. ‘душа’; *tjēnaškēna* : *tjēnašk* f. ‘служанка’, *glāseņa* : *glās* n. ‘бутылка’, *härre* : *här* m. ‘господин’, *arbetare* : *arbetar* m. ‘рабочий’.

2. *-na* используется после безударных гласных: *honana* : *hona* m. ‘петух’, *mōana* : *mōa* m. ‘желудок’, *brāana* : *brāa* f. ‘цепь’, *ēraņa* : *ēra* n. ‘ухо’.

3. У существительных с умлаутом окончание *-re* используется после смычных, *-e* после *n*, *r*, *s*, см. примеры в таблице в § 11.

§ 17. Иногда, особенно в случае трудных или редких форм, окончание определённого мн. ч. добавляется механически (агглютинативно) к неопределённой форме мн. ч. так, что возникает сочетание [-rn-], вместо *n* или *ŋ* (при фузии). Это характерно для ЛУ, которая называет такие формы как *brēārna* ‘братья’, *fētārna* ‘ноги’, *kólendārna* ‘календари’, *doftārna* ‘врачи’, *dētārna* ‘дочери’. Существительные м. р. на *-ar* (у которых имеет место довольно значительная вариативность в опр. мн. ч.) также могут встречаться с такими формами как *arbertarna* ‘рабочие’, *tjēnarna* ‘наёмные рабочие’. МП также называет *händārna*, *tändārna* наряду с *händre*, *tändre* (от *hōnd* f. ‘рука’, *tann* f. ‘зуб’). Во всех случаях [-rn-] является признаком неуверенности и рефлексии информантов.

§ 18. В связи с тем, что безударный гласный, следующий непосредственно за долгим гласным, обычно синкопируется⁴³, фонетически закономерными окончаниями существительных мужского рода с корнем, оканчивающимся на долгий гласный, являются: опр. ед. ч. *-n*, мн. ч. *-r*, опр. мн. ч. *-na*. Однако по аналогии с основами, оканчивающимися на согласный, эти окончания заменены на *-en*, *-ar*, *-a(na)*. Существительное *bī* ‘деревня’ имеет в опр. ед. ч. *bīn* (ЛУ, ЭУ) и *bīen* (АЛ). Вследствие переразложения фонетически закономерной формы опр. мн. ч. **bī-na* (не встретившейся в интервью, т.к. она заменена на *bīa(na)*), появилась неопределённая форма мн. ч. *bī-nar*, которая была названа наряду с регулярной формой *bīar*. Существительное *skū* ‘ботинок’ встретилось только с мн. ч. *skūar*, *skūa(na)*, однако Венделль записал в Старошведском мн. ч. *skūnar*⁴⁴, где *n* взято из фонетически закономерного опр. мн. ч. **skūna*. В интервью с ЭУ существительное *knīv* встретилось с мн. ч. *knīvnar* (наряду с *knīvär*), где *n* взято из опр. мн. ч. **knī-na* (к ед. ч. **knī*; форма с отпавшим *v* засвидетельствована в диалекте Рюне: *knī/knīv*)⁴⁵.

⁴³ См.: Wessén. Op. cit. S. 58, 198 (§§ 40.1, 185.3).

⁴⁴ Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 194.

⁴⁵ Vendell. Runömålet. S. 107.

Происхождение окончаний

§ 19. В ед. ч. м. р. окончание *-en* с его алломорфами восходит к древнешведскому суффицированному определённом артиклю *-in* (с долгим *n*) в винительном падеже ед. ч. у *a*-основ (например, *fisk-en* < др.-шв. *fisk-in*; аналогично *kvüst*, *stül*, *bjün*), *ja*-основ (*drāj*), *i*-основ (*smē*, *präst*), *u*-основы (*sonn*, единственный пример), корневых основ (*füt*). Окончание *-an/-n* восходит к др.-шв. *-an* (с долгим *n*) в вин. п. ед. ч. у *an*-основ: *hona-n* < др.-шв. *hana-n*; *bakk-an* < др.-шв. *bakka-n* (формы с суффицированным артиклем от *hani*, *bakki*).

§ 20. В ед. ч. ж. р. окончание *-e* восходит к др.-шв. *-ina* в вин. п. ед. ч. определённой формы у *ō*-основ (*brū-e* < др.-шв. *brūþ-ina*), *i*-основ (*sind* ‘грех’), корневых основ (*būk*). Окончание *-a/-∅* < др.-шв. *-ona/-una*: *hēn-a* < др.-шв. *hōnō-na*, *vikū* < др.-шв. *vikū-na*, вин. п. ед. ч. с суффицированным артиклем от *hōna* ‘курица’, *vika* ‘неделя’. Об апокопе *-na* см. §§ 31, 34.

§ 21. В ед. ч. ср. р. окончание *-e/-∅* < др.-шв. *-it/-t*, например *bōn-e* < др.-шв. *barn-it*, *öüa* < др.-шв. *ōgha-t*.

§ 22. Во мн. ч. м. р. окончания *-a* и *-e* восходят к др.-шв. *-ana*, *-ina* в вин. п. мн. ч. м. р. с суффицированным артиклем: *fiska* < **fiskan* < др.-шв. *fiska-na*, *männe* < **männin* < др.-шв. *männina*.

§ 23. У существительных м. и ж. р. с умлаутом окончание *-re/-e* восходит к др.-шв. *-rina* в вин. п. мн. ч. с суффицированным артиклем у корневых основ: *fētre* < др.-шв. *fōtr-ina*, *bēkre* < *bōkr-ina*.

§ 24. Происхождение окончания *-na* в определённой форме мн. ч. существительных мужского и женского рода (*fiskana*, *hēnana* и т.д.) неясно. Прежде всего, едва ли эти формы идентичны по своей диахронической структуре шв. *fiskarna*, *hönorna*, где *r* появилось к началу XVII в. по аналогии с неопределённой формой мн. ч. *fiskar*, *honor*, причём первоначально лишь на письме⁴⁶.

Если вслед за Хюльтманом исходить из того, что определённая форма мн. ч. существительных ж. р. восходит к др.-шв. *-unar* с сохранением конечного *r* (*hōnu-nar*, *vikū-nar*, им. и вин. падежи мн. ч. с суффицированным артиклем), то гласный *a*, не являясь в этом случае конечным, не должен был апокопироваться, т.е. др.-шв. *hōnunar*, *vikunar* > *hēnana*, *vikuna* (в отличие от мужского рода, где др.-

⁴⁶ *Wessén*. Op. cit. S. 188. Отметим, однако, что информанты изредка называют формы опр. мн. ч. с *-ana* (*hāstana*, *bīana* от *häst* ‘лошадь’, *bī* ‘деревня’). Такие формы либо взяты из стандартного шведского, либо возникают вследствие тенденции к агглютинации *-na*, действующей в диалекте независимо от шведского.

шв. *-ana* > *-an* > *-a*, например, *fiskana* > *fiska*)⁴⁷. При этом приходится предполагать, что конечное *r* в формах типа *hōnunar* отпало лишь после прекращения действия той закономерности, по которой конечные гласные апокопируются в абсолютном конце трёхсложных форм⁴⁸: если бы *r* отпало до или во время действия этой закономерности, то *a* также должно было бы исчезнуть, следовательно, *hōnunar* дало бы **hōnona* > **hēnan* > **hēna*, подобно тому как др.-шв. *fiskana* > *fiska*. Что касается *-na* в мужском роде (*fiskana*, *tiskena* наряду с *fiska*, *tiske*), то либо оно было перенесено из женского рода, либо появилось под влиянием стандартного шведского. Во втором случае *-na* как показатель определённого мн. ч. мог быть агглютинативно присоединён к форме неопр. мн. ч. (как в шв. *fiskar-na*, *gäster-na*) с фонетически закономерным изменением *rn* > *n* > *n*⁴⁹.

Слабым местом этого построения является предположение о сохранении в окончании определённой формы мн. ч. существительных ж. р. согласного *r*, который препятствовал исчезновению *a*. Известно, что отпадение *r* в окончаниях имело широкое распространение уже в древнешведском⁵⁰.

Мы предполагаем, что сохранение *-na* у существительных женского рода было вызвано стремлением избежать омонимии определённой формы мн. ч. и определённой формы ед. ч. Фонетически закономерным развитием опр. мн. ч. является др.-шв. *-una* (без конечного *r*!) > *-an/un* > *-a/u*, т.е. др.-шв. *hōnona* > **hēnan* > **hēna* и *vikuna* > **vikun* > **viku*. Однако такие формы привели бы к совпадению определённой формы единственного и множественного числа, поэтому во мн. ч. *-na* сохранилось, тогда как в ед. ч. имело место фонетически закономерное изменение *-una* > *-an/un* > *-a/u*.

Что касается мужского рода, то у существительных типа *fisk*, *tisk* апокопа *-na* не вела к совпадению определённой формы мн. и ед. ч. (*fisken*, *tisken* опр. ед. ч. и *fiska*, *tiske* опр. мн. ч.), поэтому здесь имело место фонетически закономерное развитие *-ana*, *-ena* > *-a*, *-e*. У существительных м. р. типа *hona* 'петух', *stoka* 'палка', напротив, апокопа *-na* в опр. мн. ч. привела бы к совпадению этой формы с неопределённым единственным числом, поэтому *-na* в опр. мн. ч. у этого типа сохраняется (т.е. *hona* неопр. ед. ч. и *hona-na* опр. мн. ч.). Следует предполагать, что фонетически закономерный процесс исчезновения *-na* был частично блокирован аналогией с женским родом, где *-na* сохранялось. Это вызвало

⁴⁷ Hultman. Op. cit. S. 81 (§ 8.2).

⁴⁸ Ср.: Hultman. Op. cit. S. 16 (§ 1. 26).

⁴⁹ Hultman. Op. cit. S. 17 (§ 1.27).

⁵⁰ См.: Noreen. Op. cit. S. 250 (§ 321b, c); Wessén. Op. cit. S. 49 (§ 30).

наличие в определённой форме мн. ч. м. р. таких форм как *fiskana*, *tiskena* наряду с *fiska*, *tiske*. Возможно также, что первоначально имела место апокопа *-na*, а затем вторичное распространение этого аффикса из женского рода.

Окончание *-a* в опр. форме мн. ч. существительных м. р. более частотно в интервью с МП и АЛ, *-ana* — в интервью с ЛУ. Для существительных, оканчивающихся на *-ij* и *-uj* (например, *gädiij* ‘оса’, *släftij* ‘родственник’, *kattuj* ‘котёнок’) окончание *-ana* нехарактерно. Возможно, в этом случае происходит синкопа *a* между носовыми согласными: *-ijana* > *-ija*.

В среднем роде фонетически закономерным окончанием определённой формы мн. ч. было бы **-e* < др.-шв. *-in* с кратким *n* (которое должно было отпасть согласно § 34). Однако это окончание создало бы омонимию с определённой формой ед. ч., поэтому оно было расширено элементом *-na*, взятым из определённой формы мн. ч. женского рода.

Итак, наличие *-na* в определённой форме мн. ч. всех трёх родов не является фонетически закономерным. В ж. р. и у существительных м. р. типа *stoka* сохранение *-na* вызвано стремлением избежать омонимии с опр. ед. ч. У существительных м. р. *-na* вызвано аналогией с ж. р. У существительных ср. р. *-na* также вызвано стремлением избежать омонимии с опр. ед. ч. и распространилось из ж. р.

Отсутствие фонетически закономерной апокопы, вызванное стремлением избежать морфологической омонимии, не является в диалекте изолированным явлением. В ср. р. прилагательных и причастий 2 типа *liklendär* м., *likle* н., *liklet* н. ‘счастливый’, *drukkendär*, *drukke*, *drukke* ‘пьяный’ фонетически закономерными формами ср. р. были бы **likle*, **drukke* (из *liklet*, *drukke*, подобно *bōne* < *barnet*), однако такие формы создали бы омонимию с ж. р., где конечный согласный также был апокопирован (*likle* < **liklen*, *drukke* < **drukken*, подобно *brüe* < **brüen* < **brūfina*). Вероятно, вследствие этого (а также под влиянием прилагательных типа *argär*, *arg*, *arft* ‘злой’, различающих все три рода) апокопа *-t* в ср. р. была заблокирована, откуда формы *liklet*, *drukke*. В супине, напротив, в силу его обособленного положения в парадигме, апокопа *-t* не ведёт к морфологической омонимии с какой-либо формой, поэтому в этом случае *-t* отпадает: ср. супины *drukke*, *bunde*, *bite* от *drikk* ‘пить’, *bind* ‘вязать’, *bīt* ‘кусать’.

Внешней типологической параллелью может быть сохранение *-n* у глаголов в 1 л. ед. ч. в северных диалектах эстонского языка. Предполагается, что

фонетически закономерное отпадение *-n* в этой форме было блокировано возникавшей омонимией с императивом⁵¹.

Употребление неопределённой и определённой формы

§ 25. Примеры употребления неопределённого артикля⁵²: *Ja hār äin lusk, so kēr ve oft üt de mäite fisk* ‘У меня есть лодка, поэтому мы часто выезжаем ловить рыбу’; *Ja vil kēr äin küda* ‘Я хочу купить корову’; *Ja fōr kēr äin sōg* ‘Мне надо купить пилу’ (но: *Gāv ot me sōga* ‘Дай мне пилу’, определённая форма); *Tāt ōre jār äin bittle//säin vōr* ‘В этом году ранняя//поздняя весна’; *Ko jār on? — Hon vār äin lāraṣk* ‘Кто она? — Она была учительницей’; *Ja vār än tjēnar* ‘Я был работником’; *Ja vār äin māvd* ‘Я была служанкой’; *Hon kälīje vār äin tisk sole* ‘Та женщина сама была немка’.

Примеры употребления нулевого артикля (с неисчисляемыми существительными): *Hon hār skorv* ‘У неё чесотка’; *Han hār inn se fļodra mā väis* ‘Он заляпался грязью’; *Gō o plukk dill* ‘Иди и нарви укропа’.

Примеры употребления определённой формы: *Ja fōr sāte umm būde po anat ställ* ‘Мне надо переставить стол на другое место’; *Hon gi rāi ot skūla* ‘Она уже пошла в школу (т.е. в первый класс)’; *Pojke frōar ot pīka: Hār de än umman? Sāi bara sanīje fōre me* ‘Парень спрашивает девушку: У тебя есть жених? Говори мне только правду’.

В случае, если перед определённым существительным стоит прилагательное, употребление свободностоящего определённого артикля, судя по имеющимся примерам, необязательно: *ōstōje vīne* ‘отстоявшееся вино’ (*ōstōje* — причастие 2 от *stō ō* ‘отстаиваться’). Ср. *hon trē sistra* ‘третья сестра’, где *hon* — свободностоящий артикль.

После указательных местоимений существительные всегда употребляются в определённой форме: *tän/han rokken* ‘это/то платье’, *täs(s)/hon kälīje* ‘эта/та женщина’, *tāt/he bōne* ‘этот/тот ребёнок’, *täs/tom männe* ‘эти/те мужчины’.

После порядковых числительных существительное обычно имеет определённую форму: *anan dāen* ‘второй день’, *trē dāen* ‘третий день’, *fförete sēt ōre* ‘сорок шестой год’.

После родительного падежа существительное может быть как в неопределённой, так и (предпочтительнее) в определённой форме: *min brūäs hūse*

⁵¹ Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. Edinburgh, 2004. P. 319. Там же обсуждение других случаев, являющихся возможными типологическими параллелями.

⁵² Приведённые в этом параграфе примеры отражают лишь наиболее общие случаи употребления артиклей; более подробное описание требует отдельного исследования.

‘дом моего брата’ (где *hūse* — опр. ед. ч.), *tāt bōnes fāraldrar* ‘родители этого ребёнка’ (*fāraldrar* — неопр. мн. ч.; интервью с АЛ) наряду с *tāt bōnes fāraldena* (*fāraldena* — опр. мн. ч.; интервью с ЛУ). Ср. также *täss männes kälījana* ‘жёны этих мужчин’ (*kälījana* — опр. мн. ч.), *täss kälījanas männe* ‘мужья этих женщин’ (*männe* — опр. мн. ч.), *tom bōnas fāraldena* ‘родители тех детей’.

Падеж

§ 26. Подобно стандартному шведскому, диалект имеет формы общего и родительного падежа. Окончанием род. п. является *-s*, которое присоединяется ко всем четырём формам существительного, например *bōn-s*, *bōne-s*, *bōnar-s*, *bōna-s*. Сочетание *rs* обычно реализуется как [ʃ] (s): *brūäs*, *brēäs* < *brūär-s*, *brēär-s*; *sistäs*, *sistraš* < *sistär-s*, *sistrar-s*. К форме род. п. на *š* может быть плеонастически добавлено *-(e)s*, например *min brūäsš hūse* ‘дом моего брата’, *min bōnašes hūsenā* ‘дома моих детей’. Плеонастическое *-es* может добавляться и к форме на *-s*: *Ana-s-es* (*Ana-s-es sistra*, *Maṭṭa* ‘сестра Анны, Марта’), *tama-s-es* (*ja kumār ehōne min tamases fār*, *gammen* ‘я помню мамино папу, дедушку’), *papa-s-es*, *mūra-s-es* (опр. мн. ч. от *mūär* ‘мать’).

§ 27. Вместо родительного падежа (а также сочетаний с предлогами) очень часто используются сложные существительные⁵³. Основное ударение падает, как правило, на первый слог первого компонента, первый слог второго компонента несёт побочное ударение⁵⁴. Примеры: *ask-bakk* м. ‘куча золы’, *tiköl-bita* м. ‘кусок кирпича’, *häst-bäin* п. ‘копыто лошади’, *küda-bäin* ‘копыто коровы’, *katifl-biisk* ‘картофельная ботва’, *näsa-damm* м. ‘насморк’, *küda-diṅe* f. ‘коровий навоз’, *häst-diṅe* ‘лошадиный навоз’, *bre-disk* м. ‘блюдо для хлеба’, *näsa-dūik* м. ‘носовой платок’, *öü-hör* п. ‘ресница’ (но *öüs-brün* f. ‘бровь’), *koḷ-hū* п. ‘кочан капусты’, *dänn-matt* f. ‘половик’, *goḷv-matt* ‘ковёр’, *köl-ruka* м. ‘куча угля’, *möür-ruka* ‘муравейник’, *smöl-ruka* ‘куча мусора’ (ср. *än ruka blānar* ‘куча листьев’, *än ruka värke* ‘куча дров’), *häst-skū* м. ‘подкова’, *āvn-skūr* п. ‘сарай для половы’, *diṅe-skūr* ‘сарай для навоза’, *hins-skūr* ‘курятник’, *kaḷv-skūr* ‘загон для телят’, *se-skūr* ‘амбар’, *värke-skūr* ‘сарай для дров’, *äike-skūr* ‘конюшня’, *bläkke-tāk* п. ‘металлическая крыша’, *haḷm-tāk* ‘крыша, крытая соломой’, *räi-tāk* ‘крыша, крытая камышом’, *tiköl-tāk* ‘крыша, крытая черепицей’, *bōn-täkke* f. ‘детское одеяло’, *bümöl-täkke* ‘хлопковое одеяло’, *fädär-täkke* ‘перина’, *goḷv-täkke* ‘ковёр’, *ribl-väliṅ* м. ‘суп с фрикадельками’.

⁵³ Ср.: *Naugen E.* The Scandinavian Languages: An Introduction to their History. London, 1976. P. 79.

⁵⁴ О сокращении гласных в композитах см.: *Маньков.* Диалект села Старошведское. §§ 52, 53.

§ 28. Во многих случаях имеется соединительное *s*; подобные формы являются звеном между генитивной конструкцией и композитом. Примеры: *räbets-blānar* ‘ботва свёклы’, *bürjans-biisk* м. ‘бурьян’, *rävens-drupa* м./f. ‘капля дождя’, *kvitlöks-hū* п. ‘головка чеснока’, *buskas-hūs* п. ‘хлев’, *buskas-skokk* м. ‘стадо’ (ср. *än skokk äikjar* ‘табун лошадей’), *buşş-kļē* п. ‘скатерть’, *finstās-kļē* ‘занавеска’, *silkes-kļē* ‘шелковая ткань’ (но *sāje-kļē* ‘покрывало на кровать’ без *s*), *vinagrads-kļips* м. ‘гроздь винограда’, *notskinns-lapp* м. ‘летучая мышь’, *blumhats-olljo* f. ‘подсолнечное масло’ (но *kēn-olljo* ‘тж.’), *Gragoşş-/Gragođş-svāde* f. (опр. форма) — название балки, над которой находится сельское кладбище, *fiņeş-trupp* м. ‘напёрсток’. Возможны дублеты: *arm(s)-bōa* м. ‘локоть’, *finstār-//finstās-brāa* f. ‘подоконник’, *ärm(s)-knūt* м. ‘рукав’, *öüs-lokk//öüxs-lokk* п. ‘веко’, *värkes-pinnar* ‘щепки от дров’, *finstās-rām* п. ‘оконная рама’, *pipaşkäi//pipar-skäi* f. ‘перец’ (но *ättär-skäi* ‘стручок гороха’). Во всех этих формах основное ударение, как правило, падает на первый слог первого компонента.

Фонетические процессы, определившие специфику морфологической системы существительного в диалекте

§ 29. В абсолютном конце слова древнешведские безударные гласные могут как отпадать, так и сохраняться. В двусложных словоформах этот процесс обусловлен количеством предшествующей части слова (т.е. просодической структурой слова). Безударные гласные отпали после долгих корней (с исходами \bar{V} , $\bar{V}C$, $\check{V}\bar{C}$, $\check{V}CC$) и сохранились после кратких (с исходом $\check{V}\check{C}$)⁵⁵. Действие этого закона вызвало расщепление древнешведского слабого склонения м. и ж. р. (*an-* и *ōn-*основ) на два словоизменительных типа: с краткими и с долгими корнями. Такие древнешведские существительные как *bakki* ‘холм’ и *hani* ‘петух’ (относящиеся в древнешведском к одному и тому же типу склонения — *n*-основам м. р.) отражены в диалекте как *bakk* и *hona*. Аналогично, такие *n*-основы ж. р. как *hōna* ‘курица’ и *vika* ‘неделя’ отражены как *hēn*, *viku* (диалектные формы восходят к др.-шв. винительному падежу ед. ч.: *bakka*, *hana*, *hōno*, *viku*).

§ 30. Исключением из этой закономерности являются несколько существительных, отражающих тип *ia*-основ и *n*-основ ср. р.: *minne* ‘мель’, *märke* ‘комета; дурное предзнаменование’, *stikke* ‘штука’, *trīne* ‘морда’, *värke* ‘древесина; дрова’, *ēra* ‘ухо’, *nista* ‘клубок’, *sjätta* ‘сердце’. Ср., однако, *äp!* ‘яблоко’ — *ia*-основа

⁵⁵ *Hultman*. Op. cit. S. 30; *Danell*. Nuckömålet. S. 218 (§ 131).

ср. р. с отпавшим *e*. Возможно, формы с сохраняющимся безударным гласным следует объяснять влиянием стандартного шведского⁵⁶.

Другое исключение — существительные типа *mōa* ‘желудок’, *slāa* ‘сани’, *flūū* ‘муха’. В этом случае корневой гласный удлинился лишь в XX в., после прекращения действия той закономерности, по которой безударные гласные отпадали после долгого корня.

§ 31. В трёхсложных формах гласные в абсолютном конце отпали независимо от количества предшествующей части слова. Это отражено в следующих случаях:

1. Определённая форма мн. ч. м. р., например *fiska*, *tiske*, *männe* от *fisk* ‘рыба’, *tisk* ‘немец’, *mann* ‘мужчина’, где окончания *-a* и *-e* восходят к древнешведским формам вин. п. мн. ч. с суффиксированным артиклем, а именно, *-a* < *-ana* у *a*-основ, *-e* < *-ina* у *i*-основ, корневых основ, *u*-основы. Об апокопе *n* см. § 34.

2. Определённая форма ед. ч. ж. р., например *brūe*, *grāve*, *būke* от *brū* ‘невеста’, *grāv* ‘могила’, *būk* ‘книга’, где *-e* восходит к др.-шв. *-ina* в вин. п. ед. ч. с суффиксированным артиклем у всех древнешведских типов основ ж. р., кроме основ на *n*⁵⁷.

3. Неопределённая форма мн. ч. существительных м. р. с основой, оканчивающейся на *-ar*, например *bokar* (мн. ч. от *bokar* ‘пекарь’) < др.-шв. *bakar*-*a*. Неизвестно, изменялось ли при этом конечное *a* в *e* (как во мн. ч. *bakare* < *bakara* в стандартном шведском⁵⁸) перед тем как отпасть.

§ 32. В более чем трёхсложных формах фонетическое изменение безударной части слова было, по-видимому, двояким: либо отпадал конечный слог: др.-шв. *bakarana* > *bakarena* > *bokare* ‘пекарь, опр. мн. ч.’ (подобно тому как *fiskana* даёт *fiska*), либо синкопировался гласный предпоследнего слога: *bakarena* > *bakarna* > *bakaṇa* > *bokana*. Такое двоякое развитие, вероятно, объясняет дублетные формы определённого мн. ч. существительных м. р. с основами, оканчивающимися на *-ar*: *fiskjare(na)* vs. *fiskjana*.

§ 33. Гласные, оказавшиеся в конце слова вследствие сокращения трёхсложных форм, не отпадают. Это объясняет такое соотношение как *hēn* (из двусложной формы др.-шв. *hōno*) и *hēna* (из *hōnona*).

⁵⁶ *Hultman*. Op. cit. S. 31.

⁵⁷ Подробнее об определённой форме ед. ч. ж. р. в шведском см.: *Wessén*. Op. cit. S. 141 (§ 139).

⁵⁸ *Wessén*. Op. cit. S. 81, 192 (§§ 71.1, 180).

§ 34. Согласный *n*, восходящий к древнешведскому краткому *n*, отпал, оказавшись в конце слова вследствие апокопы конечных гласных. Это касается случаев, упомянутых в § 31.1–2.

§ 35. *n*, восходящий к древнешведскому долгому *n*, сохраняется. Это касается опр. формы ед. ч. м. р., где окончания *-en* и *-(a)n* восходят к др.-шв. *-in*, *-an* (с долгим *n*) в вин. п. ед. ч. *a*- и *n*-основ с суффиксированным артиклем. Например, *fisk-en* < др.-шв. *fisk-in*; *hona-n* < др.-шв. *hana-n*; *bakk-an* < др.-шв. *bakka-n*⁵⁹.

§ 36. Конечное *t* отпало в определённой форме ед. ч. существительных ср. р., где окончание *-e* < др.-шв. *-it*: *bōn-e* < др.-шв. *barn-it*⁶⁰.

§ 37. Др.-шв. безударное *u* отражено в диалекте как *a* после долгих корней и как *u/o* после кратких (баланс гласных)⁶¹. Переход *u* > *a* прошёл через стадию *o*, т.е. *u* > *o* > *a*. Это отражено в следующих случаях:

1. Определённая форма ед. и мн. ч. ж. р.: ед. ч. *hēn-a* < др.-шв. *hōno-na*, но *vīku* < *vīku-na*; мн. ч. *hēn-ana* < *hōno-na*, но *vīku-na* < *vīku-na*.

2. Неопределённая форма мн. ч. существительных ж. р., восходящих к долгосложным *ōn*-основам, где окончание *-ar* < др.-шв. *-or* < *-ur*: *hēn-ar* < др.-шв. *hōn-or* < *hōn-ur*.

§ 38. Относящееся к основе *j* у существительных ж. р. (тип *jōn*-основ), оказавшись в ауслaute после апокопы последующего гласного, вокализуется, переходя в закрытое *e*: *brigge* ‘мост’, *dīje* ‘навоз’, *kirke* ‘церковь’, *lärke* ‘жаворонок’, *vīdje* ‘прут’, *änke* ‘вдова’.

§ 39. Двусложные существительные с безударными *e*, *ä*, *ö* в закрытом слогe синкопируют их при присоединении окончаний, например *kāven* ‘арбуз’: мн. ч. *kāvnar*, опр. мн. ч. *kāvna(na)*; *sistär* ‘сестра’: опр. ед. ч. *sistra*, мн. ч. *sistrar*, опр. мн. ч. *sistrana*; *finstär* ‘окно’: опр. ед. ч. *finstre*, мн. ч. *finsträr*, опр. мн. ч. *finstrena* ‘окно’⁶². Однако существительные мужского рода на *-äl/-öl* и *-är* в форме опр. ед. ч. синкопируют не гласный основы, а гласный окончания, например *likäl/liköl* ‘ключ’: опр. ед. ч. *likän*; *vintär* ‘зима’: опр. ед. ч. *vintän*. Во мн. ч. у этих существительных гласный основы синкопируется: *liklar*, *likla(na)*.

⁵⁹ *Wessén*. Op. cit. S. 119, 137–138, 170 (§§ 111.1, 135, 136, 171).

⁶⁰ *Hultman*. Op. cit. S. 38.

⁶¹ *Hultman*. Op. cit. S. 89–90 (§ 9.9); *Danell*. Nuckömålet. S. 218 (§ 132). О балансе гласных в истории шведского языка см.: *Wessén*. Op. cit. S. 61–64 (§§ 45–46).

⁶² У существительных ср. р. безударный гласный основы часто не синкопируется в опр. ед. ч., особенно в интервью с ЛУ, которая называет такие формы как *büldäre*, *finstäre*, *fiñäre* наряду или вместо *büldre*, *finstre*, *fiñre* (от *büldär* ‘гром’, *finstär* ‘окно’, *fiñär* ‘палец’).

Безударные *a, ü, i, o* не синкопируются, например *pürkan* ‘морковь’: мн. ч. *pürkanar*, опр. мн. ч. *pürkana*; *kalkün* ‘индюк’: *kalküinar, kalküina; kiklîñ* ‘цыплёнок’: *kiklîñar*. Существительное *pappar* ‘бумага’ имеет опр. ед. ч. *pappare*, однако его дублет *pappär* был назван с опр. ед. ч. *pappre*. Существительное *doftor* ‘доктор’ встретилось в интервью с формой мн. ч. *doftrar* (вместо **doftorar*; ср. опр. мн. ч. *doftora*, также встретившееся в интервью⁶³); синкопированная форма либо обусловлена влиянием существительных типа *vintär*, либо образована не к *doftor*, а к его дублету *doftär*.

Заключение

§ 40. Назовём некоторые черты имени существительного в диалекте, составляющие его своеобразие по сравнению со стандартным шведским языком: трёхчленная категория рода; всегда нулевое окончание в неопределённом ед. ч. (тогда как в шведском наряду с нулевым имеются окончания *-a, -e: flick-a, poj-k-e*); меньшее количество аффиксов неопределённого мн. ч. (§ 4); большее количество аффиксов определённого ед. и мн. ч. (§ 11); большее разнообразие явлений сандхи при присоединении аффиксов определённого ед. ч. (§§ 12–17); использование определённой формы после указательных местоимений (в шведском как определённая, так и неопределённая форма) и родительного падежа (в шведском только неопределённая форма; § 25); плеонастическое *-es* в род. п. (§ 26).

Ключевые слова: Старошведское, шведские диалекты, грамматические категории существительного.

A. E. Mankov

GRAMMATICAL CATEGORIES OF NOUNS IN THE DIALECT OF GAMMALSVENSKBY

Compared with Standard Swedish, characteristic features of nouns in the dialect are: three-gender system; only zero ending in the indefinite singular (whereas Swedish has *-a, -e* alongside *-Ø: flick-a, poj-k-e, gäst*); fewer affixes of the indefinite plural; more affixes of the definite sg. and pl.; wider range of sandhi phenomena in the definite sg.; definite form used after demonstrative pronouns and the genitive (in Swedish both definite and indefinite forms after demonstratives); pleonastic *-es* in the genitive.

Key words: Gammalsvenskby, Swedish dialects, grammatical categories of nouns.

⁶³ Ср. у Венделля: *doftor*, мн. ч. *doftorer* (*Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 42*).